

МЕЖДУ МАТЕРИАЛЬНЫМ И СОЦИАЛЬНЫМ: СОСЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ «ВНУТРИ» ИНФРАСТРУКТУРНОГО ДЕФИЦИТА

К. А. Галкин¹

¹Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН.
190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Для цитирования: Галкин К. А. Между материальным и социальным: соседские отношения пожилых людей «внутри» инфраструктурного дефицита // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 1. С. 143–159. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8866

Аннотация. В статье осуществляется анализ соседских отношений в сёлах Ленинградской области. Материалом послужили интервью с пожилыми людьми об особенностях сельской повседневности и о соседских взаимодействиях в контексте инфраструктурного дефицита, характерного для сёл, где проводилось исследование. Опираясь на теоретические работы Х. Плеснера и А. Гелена, автор утверждает, что соседские отношения можно рассматривать как важный социальный ресурс для пожилых людей, который способен настраивать и делать более комфортными материальные ресурсы в сёлах. Настраиваемость материальных и социальных ресурсов позволяет понять специфику смыслов соседских отношений, которые формируются в сёлах, и то, как старение может быть представлено, исходя из ключевых и основных потребностей пожилых людей. Эмпирический материал был собран в двух сёлах Ленинградской области.

В ландшафте, обусловленном инфраструктурным дефицитом, не работали привычные соседские солидарности, однако такой ландшафт сам был частью новой солидарности, связанной с особыми взаимодействиями, в рамках которых соседские отношения создают настраиваемость материальных ресурсов и нацелены на реципрокный обмен и соседскую помощь и минимизацию проблем инфраструктурного дефицита.

Ключевые слова: сёла; инфраструктурный дефицит; пожилые люди; соседские отношения; соседская забота; жизнь в сельской местности

Введение

Исследователи, рассматривающие село и анализирующие произошедшие в нём изменения, сталкиваются со множеством трансформаций, которые претерпевают российские сёла за последние десятилетия. Изменяются модели социального воспроизводства в селе: они становятся непохожими на традиционные «сельские» и в них не наблюдается преемственности [3]. При этом в сельской местности по-прежнему присутствуют особенности и инаковость социальных отношений. Село остаётся для исследователей особым пространством, отличным от города, имеющим особую социальную ткань [1]. Отдельного внимания заслуживают жители сёл и их стратификация по возрастам, гендеру, по прожи-

тому времени в населённом пункте. Социальные вопросы и проблемы, которые существуют в сёлах, к примеру: отсутствие медицинской помощи или проблемы, связанные с получением медицинской помощи, а также сложности с социальными услугами, — темы возникающих исследований, в которых рассматривается жизнь пожилых людей в сёлах России [2; 5]. Основной фокус в таком случае определён изучением заботы и того, как она вписана в контексты локального сообщества, соседских отношений, коммуникации, общения с соседями и взаимодействиями с родственниками и семьей [12].

Инфраструктурный дефицит обычно присутствует в статьях как контекст, влияющий на повседневность пожилых людей.

Исследуя проблемы и особенности инфраструктурного дефицита, авторы прибегают к анализу масштабных вопросов, крупных аварий и сложностей, которые связаны с развитием инфраструктур. Возможно противопоставление различных политик и анализ особенностей реализации политик в отношении инфраструктур [19; 15; 22]. Отдельного внимания в статьях заслуживают исследования инфраструктуры как признака города [16]. Инфраструктуры в таком случае становятся эквивалентами прогресса и модерности, развития пространств [7]. Инфраструктурные проблемы и сложности, связанные с их развитием, рассматриваются в исследованиях как особенности политико-экономических трансформаций и сигналы для исследователя, говорящие о проблемах как городов, так и сельской местности [6]. Разрежённость инфраструктуры на обширных российских территориях, особенно в Сибири, описывалась как экономическое проклятие [11; 10]. Однако насколько сама инфраструктура может быть актором, который изменяет и трансформирует отношения и социальную ткань городов или сёл, и возможно ли изучение инфраструктур с позиций влияния на соседские отношения и их особенности? Это вопрос, на который пока не дан внятный ответ. Может ли рассмотрение особенностей повседневной жизни внутри инфраструктурного дефицита стать основой для изучения соседских отношений? Как пожилые люди компенсируют трудности, связанные с инфраструктурным дефицитом? В этой статье я задаюсь этими вопросами, поэтапно раскрывая как особенности инфраструктур в сёлах, так и особенности соседских отношений, заботы и помощи.

Речь в статье идёт о соседских взаимодействиях в двух сёлах Ленинградской области. Особенностью повседневности в этих населённых пунктах выступает отсутствие инфраструктурных благ, водоснабжения и газоснабжения, что способствует появлению особых практик во взаимодействии с соседями. Я стараюсь объединить два подхода: идеи экзистенции человека Х. Плеснера и А. Гелена о важности социального и материального в жизни людей и исследования по *community care*¹ и неформальной заботе в сельской местности. Использование этих подходов, во-первых, позволяет показать, каким образом формируются

¹ Общественный уход — форма социальной работы с больными, стариками и т. д., которым не требуется уход в специальном учреждении, но необходима помощь по месту их проживания, осуществляемая в рамках местного сообщества и силами местного сообщества.

соседские отношения в сёлах и какие существуют отличия в соседских отношениях и неформальной заботе, а во-вторых — дать описание инфраструктурного дефицита и возможности/невозможности компенсации инфраструктурного дефицита [21; 13; 14; 17].

Теоретической основой статьи послужили работы Х. Плеснера, основанные на понимании индивида как зависящего от двух типов протезов, которые определены материальными объектами и социальным окружением людей [9]. Отсутствие этих протезов ставит под вопрос само существование человека. Экзистенции первого порядка, таким образом, представлены базовыми потребностями человека, определяющими необходимый инфраструктурный минимум, который важен для жизни. Различия в средах и сложности с инфраструктурами в различных средах, например жизнь в экспедиции или в сельской местности, где отсутствуют такие коммунальные блага, как газоснабжение или водоснабжение, ставят вопрос о дополнительном комплектовании как основными экзистенциями первого порядка, так и дополнительными экзистенциями второго порядка, а именно — специальными приспособлениями, например генераторами, которые способны давать электроэнергию бесперебойно, или особой формой заботы и помощи в рамках соседских отношений [4]. Тогда экзистенции первого порядка становятся дополненными более комфортными условиями, или «протезами протезов» [18].

Г. Харман разработал концепт «объектно-ориентированной философии». Эта концепция, которая отражает позиции спекулятивного реализма, основана на возвращении к метафизике. В её основе лежит критика корреляционизма и антропоцентризма, что подразумевает отказ от доминирования человеческого над нечеловеческим [20]. В процесс конструирования реальности включены не только люди и взаимодействия между людьми, но и предметы, вместе создающие реальность, в которой проживает человек.

Устройство таких материальных и социальных протезов ещё более сложное, и именно: на подобные «протезы протезов» возлагаются основные надежды, и жизнь человека в особенной среде становится сконцентрированной вокруг таких «протезов протезов». В зависимости от развития экзистенций второго порядка возможным становится компенсация изолированности и исключения пожилых людей, что особенно характерно для сельской местности. Таким образом, материальные ресурсы и их дефицит могут быть уравновешены или не уравновешены за счёт социальных ресурсов, которые в этой публикации определены соседскими отношениями и неформальной заботой, формирующейся в рамках таких отношений.

Методологически исследование наследует идеи работ по неформальной заботе и *community care*, которые существуют в отечественном дебате и представлены статьями Е. Богдановой, О. Парфёновой и И. Петуховой и автором настоящей статьи. В этих работах соседская забота рассматривается с позиции изучения устойчивых сюжетов, поведенческих практик доступа к тем или иным ресурсам [2; 8; 5].

Такие типичные формы неравенства для пожилых людей, как исключённость из жизни в социуме в сельской местности, дополнены и усилены проблемами инфраструктурного дефицита и транспортной доступности, которые представляют собой характерные особенности сельских поселений и жизни в них.

На фоне ухудшающегося состояния здоровья возрастает запрос на неотложную повседневную помощь в сельской местности. При этом ввиду дефицита и проблем с неотложной помощью на селе особую значимость обретают многочисленные неформальные сети поддержки — родственные, соседские, которые могут как компенсировать некачественную государственную помощь пожилым людям в сельской местности, так и способствовать улучшению психологического самочувствия самих пожилых людей.

Исследовательский контекст

В изучаемых мною сёлах основное население в зимний период, когда проводилось исследование, — пожилые люди. Средний возраст жителей в с. Клубково в зимний период — 71 год, в с. Клинье — 69 лет. Села располагались в Ленинградской области, однако их названия были анонимизированы согласно этической программе исследования. По гендерному составу преобладало женское население: всего в Клубково в зимний период проживали 8 женщин и 5 мужчин, в Клинье — 12 женщин и 8 мужчин. Все жители имели разный бэкграунд жизни в селе, разную степень «знакомства с сельской жизнью». Так, в Клубково преобладало население, которое с рождения проживает в деревне: многие работали на лесозаготовках до закрытия местной лесопилки в 2009 г. В Клинье население проживает преимущественно в деревенских двухэтажках; были и те, кто приехал в посёлок из городов, а также два человека, которые проживали в деревенских двухэтажках, — те, которые жили в деревне изначально, но получили квартиры и переселились в двухэтажные дома.

Соседские отношения на протяжении последнего столетия в сёлах поменялись существенно. Изначально соседские отношения в исследуемых деревнях были определены сильными социальными связями и общением внутри крестьянской общины. Соседства в начале XX в. в исследуемых деревнях были реципрокными и заключались в поддержке, общении жителей деревень и людей, которые жили в исследуемых посёлках. Об этом свидетельствуют альбомы, которые мне удалось найти в библиотеке крупного посёлка — районного центра, и материалы интервью с главой администрации районного центра.

«Помню, как раньше жили. Мне ещё прабабка рассказывала, которая до революции пожила. Если у ребёнка жар, то сразу к соседям обращаешься и просишь помочь, чем только возможно. Кто варенье принесёт, кто какое-нибудь лекарство — то есть не лекарство, а травы, — и вот так в итоге все друг друга знают, все друг с другом

общаются. Потому что тогда же все веками жили в деревнях, это не то, что сейчас: приехали — и неизвестно кто живёт, и других своих соседей они вообще не знают» (м., 63 года, глава администрации).

Изменения в соседских отношениях в исследуемых деревнях произошли в период строительства колхозов. Тогда в исследуемые деревни приехали люди — как правило, трактористы, агрономы и животноводы, которые были из других деревень и городов. И, как отмечали информанты, в тот период времени соседские отношения достаточно сильно изменились в сторону «более городских»; при этом в деревнях появляется электричество, которое компенсировало тогда часть инфраструктурного дефицита и позволило развивать в селе новые аграрные производства.

«Вот в 30-е такое, наверное, и началось. Мне в основном мать рассказывала, потому что сам я тогда был малой. В то время понаехало много народу, и пёс его знает, откуда кто. Кто-то — с центральной России, кто вообще с Северного Кавказа приехал, и тогда в сёлах здесь начались то ли разборки, то ли эти петухи приезжие повывезали и ходили как первый парень на деревне. И с тех пор, наверное, и пошло: как-то все сделали сами по себе, перестали общаться друг с другом — до годов, наверное, 70-х» (м., 96, инфаркт миокарда, Клубково).

Вторая волна миграций и переездов в деревни началась в середине 1960-х и длилась по середину 1970-х гг. Тогда в большинстве своём люди, которые изначально жили в городах, приезжали в исследуемые сёла для того, чтобы работать на аграрных предприятиях, в школах и библиотеках. Этот период можно назвать условно возникновением новых соседских отношений в сёлах, которые продержались до середины 1990-х гг. Тогда — на фоне развития и активного строительства в сёлах, обещаний о создании комфортной инфраструктуры и открытий фельдшерско-акушерских пунктов (такой ФАП был открыт в Клинье, но позже закрылся из-за смерти фельдшера) — возникает новая соседская солидарность, для которой важно было общее дело и работа на его благо.

Следующий период соседских отношений, который с незначительными изменениями длится и по сегодняшний день, — с середины 1990-х гг. и до закрытия предприятий в деревнях в 2000-х гг. В этот период в деревнях наблюдалась волна миграции, но в основном возвращались те жители, которые выходили на пенсию в городах и по разным причинам были вынуждены сдавать или продавать квартиры, а сами переезжали в деревенские дома (эта ситуация в наибольшей степени характерна для Клинья). В Клубково сохранялись прежние соседские солидарности, и миграция здесь в основном была сезонной, то есть наблюдался приезд дачников в село из Санкт-Петербурга на лето. В Клинье это было возвращение тех, кто раньше уехал из села, чтобы получить образование и работать в городе, но затем они вернулись в село вновь. Время 2000-х гг. — это время инфраструктурного дефицита для обеих исследуемых деревень: в этот период в Клинье было отключено центральное водоснабжение деревенских

двухэтажек, а в Клубково разрушены колонки с водой, и жителям пришлось самостоятельно собирать деньги и строить колодец, который и сегодня является основным источником воды для жителей села.

Таким образом, современное состояние соседских отношений можно обозначить как соседские отношения, которые формируются, с одной стороны, вокруг инфраструктурного дефицита и проблем, которые он создал, а с другой стороны, подобные соседские отношения вписаны в контексты помощи, связанной с самочувствием и ухудшением состояния здоровья пожилых сельчан. Это отчётливо проявляется при различных экстренных проблемах со здоровьем, а также тогда, когда возникают сложности с лекарствами: включается такой механизм, как реципрокный обмен лекарствами. Однако проблемы инфраструктуры фреймируют жизнь пожилых людей в исследуемых сёлах, и из проблем с инфраструктурой формируются соседские отношения.

Акторы заботы

Пожилые люди, которые стали информантами этого исследования, испытывают различные ограничения в мобильности, которые прежде всего связаны с ухудшением их состояния здоровья. В основном мои информанты были способны передвигаться в пределах своих участков и огородов (в Клубково) или деревенских улиц и огородов (в Клинье). Все мои информанты, которые проживали как в деревенских двухэтажках в Клинье, так и в частных домах в Клубково, не имели никаких удобств, канализации, газоснабжения и водоснабжения. В сёлах были частыми перебои с электричеством, которые нередко затрудняли общение с родственниками и друзьями. И в Клубково, и в Клинье информанты пользовались мобильной связью, как они сами отмечают, для связи с миром. У трёх моих информантов во время проведения исследования в Клинье и Клубково были компьютеры и мобильный интернет, который позволял общаться с друзьями, а также комментировать фотографии и делиться фотографиями на «Фотостране», что было важной практикой, которая позволяла им не чувствовать себя «зажатыми в пространстве села».

«Вот если дождь или осеннее межсезонье, когда уже в четыре темно, чем занять-то себя? Я для себя решила: чем сидеть в этом давящем пространстве, буду, в общем-то, общаться. И, знаете, выкладываю фото на „Фотостране“, а рядом – свои стихи. И поражает, сколько у тебя сразу появляется поклонников и людей, кто ценит твой талант. Мелочь, а приятно» (ж., 86, инсульт, инфаркт, Клубково).

Самообслуживание включает в себя такие практики, как доставка воды из колодца в Клубково или из колонки в Клинье, доставка дров из дровяников в Клубково или из специальных дровяных сараев в Клинье и вынос мусора – чаще всего вынос бытовых отходов, а также уход за домом и мелкий ремонт.

Во время работы в поле не раз был свидетелем, когда информанты подделывали отвалившийся плинтус или рамку дверного проёма, делая это с трудом, но при этом не ожидая сторонней помощи.

«Сегодня у моей информантки Е.С. отвалился дверной проём. Он был старый, как она сама рассказывала в интервью, и поэтому не смог долго продержаться. И вот ей пришлось прямо с самого утра брать молоток, ставить табурет, взятый из кухни, и крепить дверной проём на место» (из исследовательского дневника).

При этом она явно испытывала проблемы с выполнением этого действия и три раза прерывалась, прибывая этот проём, из-за сильных одышек, но в итоге всё же прибила, комментируя это такими словами: *«Если я не прибью, кто прибьёт? Одинокая, муж пять лет назад в могилу ушёл, и теперь всё на мне здесь, и всё, в общем-то, делаю в итоге сама, и по-другому никак»* (ж., 89, инфаркт, Клубково).

Таким образом, осложнённый быт часто становится причиной необходимости самостоятельно выполнять рутинную работу или искать помощи у родственников, если они есть, или у соседей; особенно это ярко выражено, когда состояние здоровья резко ухудшается.

«Бывают дни, когда с кровати не могу по три-четыре дня встать. И что тогда? Помирать, что ли? Лежать? Нет, вот так полежишь и начинаешь звонить родственникам. Если не берут трубки или, там, занятые все, деловые, то тогда идёшь уже просто сам к соседям. Колька живёт вот здесь, два дома от меня. К нему идёшь, обращаешься и начинаешь что-либо просить: тот же мусор вынести или ведро с помоями» (м., 79, инсульт, онкология, Клинье).

Отдельной важной проблемой выступают для моих информантов сложности с личной гигиеной. Практики похода в баню недоступны, и в Клубково во время проведения исследования я был свидетелем, когда мою информантку пускали помыться в бане её соседи.

«Ну вот, хорошо, таз есть — ну вот тот, зелёный, видите? Воду тоже худо-бедно с помощью соседей натаскать можно. Но, вообще, как здесь мыться? Да практически никак, особенно в холодное время года. И приходится в итоге вот так балансировать между грязной водой в тазу и тряпками, которыми хоть как-то оботрёшься. Хорошо, что электричество хоть не отключают, и это радует, в принципе» (ж., 89, инфаркт, Клубково).

Мало кто из моих информантов был способен регулярно посещать магазины и аптеки для покупки продуктов и необходимых лекарств, в том числе ездить туда на такси или рейсовом автобусе. Обычно мои информанты привлекали для покупки лекарств помощников — родственников, реже соседей, которые могли привезти необходимые лекарства из города. Также обязанности по доставке лекарств возлагались на социальных работников — акторов государства, единственного институционализированного провайдера заботы в изучаемых поселениях. Обычно в сёлах — и изучаемые сёла не исключение — пожилых

обслуживали социальные работники, которые проживали в посёлке городского типа, и качество подобного обслуживания, как отмечали сами информанты, оставляло желать лучшего.

В Клубково и Клинье не было социальных работников, и все социальные работники, которые обслуживали участки Клубково и Клинье, проживали в районном центре – посёлке городского типа. Аналогичная ситуация связана и с ожиданием скорой помощи. Истории про ожидание скорой по несколько часов – не редкость, и особенно они характерны для зимы или ранней весны. Поздней осенью, когда в Клубково и Клинье возникают проблемы с дорогами, тоже есть трудности с тем, чтобы машина скорой помощи могла вовремя доехать до пациентов. Вообще, сюжеты недоверия и «забытости» государством, отсутствия надежды на государственную помощь и поддержку – достаточно характерны для исследуемых деревень и встречаются довольно часто. В интервью информанты говорили об изоляции, даже о насильственной изоляции, которую создаёт для них государство, а также о специальных действиях со стороны государства, которые способствуют тому, что пожилые люди оказываются замкнутыми в ситуации отсутствия выбора между различными провайдерами заботы. Это, как отмечают сами информанты, одна из причин инфраструктурного дефицита в сельской местности, которая создаёт множественные сложности.

«Знаете, как Союз распался, так и сразу появилось такое ощущение, когда ты вроде как живёшь в населённом пункте, но на самом деле – по всему уровню развития – в неандертальской тайге, хоть и до Питера сотка километров с хвостом. Потому что то свет тебе отрубят, то с газом проблемы, а уж соцработники и работа других служб – это я и вообще молчу. Это в принципе ни в какие ворота не лезет» (ж., 78, боли в спине, онкология лёгких, Клинье).

Стало быть, проблема инфраструктурного дефицита и сложностей, связанных с государственными провайдерами заботы, для пожилых людей в исследуемых деревнях довольно остра и заметна. Также следует отметить и то, что сюжет брошенности и ненужности был достаточно хорошо артикулирован в интервью и относился к утрате комфорта, которая могла быть спровоцирована ухудшением состояния здоровья. Роль государственных провайдеров помощи в интервью сводилась к инструментальной функции получить необходимый рецепт на лекарства из аптеки или направление на лечение в больницу. Таковы основные функции государственных провайдеров заботы для пожилых людей.

Проблема комфорта среды, где проживали мои информанты, – важная проблема, которая для большинства участников исследования определялась как социальной активностью и вовлечённостью в социальную жизнь сёл, так и возможностями быть включёнными в соседские взаимодействия, соседскую коммуникацию с жителями сёл. На фоне инфраструктурного дефицита, необходимости брать воду из колонок в Клубково и Клинье, самостоятельно или с помощью соседей таскать дрова информанты выделяли в своих историях сюжет общения с родственниками. Семья и наличие родственников, которые

проживали относительно недалеко – в Петербурге или других городах, близких к деревням, где я проводил исследование. Общение с родственниками, а также семейная и неформальная забота способствовали минимизации проблем, связанных с инфраструктурным дефицитом.

«Я бы одна здесь, наверное, вообще никогда бы не справилась. А так всё, в принципе, нормально. Хорошо, дочка живёт не у чёрта на куличках, а здесь вот, недалеко, в Твери. И я элементарно прошу: „Приедь, привези, там, что-либо, то же топливо в канистрах для генератора“. Знаете, наверное, такое, да? Вот она приезжает и мне всё это привозит. И тогда всё становится относительно просто, легко. А вот тем, кто здесь одиноко живёт, как, например, Мария Степановна или старичок на краю (там, на улице, видели с колодцем дом?), реально тяжело становится, потому что, я так скажу, если родных нет, то никто и не придёт. И сидишь один кукуешь или, если силы есть и автобусы ходят ещё, то собираешься да едешь в ту же Лугу. А если сил нет, то так и сиди, и кукуй здесь» (ж., 81, инфаркт миокарда, Клубково).

При этом сами родственники, с которыми мне также удалось поговорить, нередко не разделяют подобного энтузиазма и считают помощь своим пожилым родителям излишней. В интервью с родственниками возникал сюжет, когда просьбы о помощи пожилых людей были рассмотрены скорее как провокация и описание инфраструктурных проблем, и это в таком случае становилось скорее возможным манипулированием родственниками, чем важным сюжетом, который заслуживал их внимания.

«Ну вот, судите сами, бывает же такое в принципе. У меня мать без конца звонит, и неважно, где она там, в командировке или ещё где-то, без конца и всё время возникают какие-то вопросы и проблемы: то это надо, то это надо. Знаете, это, наверное, просто такая развлекуха, что ли, у них, у старых, когда им необходимо что-то. И вот они начинают тебя муссировать и надоедать. В общем-то, с годами я научилась, скажем так, не обращать на это внимание» (ж., 46, дочь, мать постоянно проживает в Клубково).

Обычно в тех случаях, когда родственники проживали в ближайших к сёлам городах и общались со своими родителями, часть ответственности и решение бытовых проблем ложились на плечи самих пожилых.

«Я всё понимаю: дочка занятая там, вся в городе. Вот поэтому и стараюсь лишний раз её не трогать и лишний раз к ней не лезть, если так можно сказать. Потому что понимаю, что дел там-то невпроворот. И, если честно, то так, по мелочи стараюсь их (дочку. – прим. К. Г.) не просить уже и сама своими силами как-то обходиться» (ж., 80, инфаркт, Клинье).

Мы плавно подходим к описанию соседских отношений как не только компенсирующих, но и создающих ресурсы для самих пожилых людей, выраженные через заботу и помощь, но самое основное – через разделённые проблемы, чувственный опыт и ощущение неполноценности и несовершенства материальных ресурсов.

Соседские отношения и инфраструктурный дефицит

Проживание отдельно для моих информантов стало не только проблемой, но и неотъемлемой частью повседневности, которая, наряду с проблемами инфраструктурного дефицита и сложностями, связанными с жизнью в сёлах, с хроническими заболеваниями, представляла важный социальный ресурс — планирование и возможности, пусть и ограниченные, управления физическим комфортом создания свободы в своей жизни. И этот ресурс, связанный с социальными и материальными компонентами, был для пожилых людей первым разделённым опытом с соседями.

«Есть три тополя на Плющихе, а я нас называю „шесть стариков на отшибе“, потому что здесь пусть, блин, нет ничего, никакой коммуналщины этой, но всё равно то, что мы ценим здесь все вместе, — это свежий воздух, простор и то, что родственники и врачи в этом отхожем месте (так информант называет интернат для пожилых. — прим. К. Г.) могут полезть отравить и уморить тебя» (м., 78, инфаркт, Клубково).

В интервью информанты подчёркивали, что субъективный комфорт, который состоит из своих объектов и окружения (нередко к окружению относят и соседей), способствует минимизации проблем инфраструктурного дефицита. И социальные ресурсы, к которым относится потенциал *community care* и заботы соседского сообщества, в таком случае создают условия для преодоления некоторых проблем, связанных с инфраструктурами. Ценным выступает опыт разделения инфраструктурных проблем и ограничений, которые существуют при проживании пожилых людей в сёлах отдельно. Инфраструктурный дефицит определяет также особенности соседских отношений в публичном пространстве деревни: на дорогах общего пользования, рядом с колодезем или колонками или рядом с мусорной ямой и общим кострищем. Проблемы отключения электроэнергии, отсутствия газоснабжения или водоснабжения становятся частью повседневной коммуникации, и соседская помощь заключается в консолидации усилий для решения подобных вопросов в сёлах. Необходимость поддерживать общие материальные ресурсы и создавать относительный комфорт и удобства в инфраструктурном дефиците заставляют жителей сёл быть ближе друг другу и развивать социальный ресурс: общение и взаимопомощь для решения проблем. При этом такие символы комфорта и жизни, как дым из трубы или дрова на крыльце рядом с домом, были эквивалентами социальным ресурсам и социальной активности, включённости соседа в жизнь самой деревни.

«С утра встал и вижу: у бабы Маши дым из трубы идёт, дядя Коля ещё не проснулся. Хорошо, значит, пойду позже. И так здесь везде: если печку топилшь, дрова притащил, ведра стоят — значит, жив. А раз жив, значит, и жизнь у тебя есть, и, значит, можно к нему и зайти (скорее всего, он сейчас что-то делает) поговорить и покумекать. Потом вместе улицы чистить пойдём. А если дыма нет, то

бежишь и спрашиваешь, что случилось. Как вот в прошлом году с Геннадием было: лежал один на печи после разговора тяжёлого с дочкой и ни с кем общаться не хотел. Тогда помогаешь ему. А если помер, ну, тогда скорая и труповозка. Мы ж здесь все сельчане, и помогать нужно, это дело святое» (м., 67, хроническая болезнь позвоночника, Клубково).

Другим разделяемым общим материальным в исследуемых сёлах выступают нечистоты и прочие бытовые отходы, которые попадали в поле совместного зрения и обоняния и являлись частью соседской помощи и соседских обсуждений. Способность в буквальном смысле, как отмечали соседи, «вынести ведро» была эквивалентна социальной активности и маркировала статус пожилых людей.

«Если ведро выносишь, то всё хорошо, значит. Значит, ещё вполне себе активен и можешь за собой ухаживать. Также за другими перестал выносить ведро — всё, считай, что всё пропало. Во-первых, у тебя в доме запах этот будет, и это значит, что ты дышать этим будешь. Здесь ведь не как в городе: спустил — и всё. Во-вторых, но это такое элементарное действие, скажу так: это необходимость каждого человека, и если и его не выполнять, то вообще как тогда можно жить по-нормальному?» (м., 80, инсульт, Клинье).

Вещества, выброс которых был затруднён и сложен в отсутствие канализации в сёлах, становились не только проблемой жителя села, но также были частью соседских отношений, коммуникации и разделяемого опыта, советов, которые давали соседи.

«Здесь через три дома живёт баба Глаша. Она сначала один инсульт перенесла, а потом второй, и вот после этого уже не может она вставать и, соответственно, самостоятельно ведро выносить. Поэтому мне и приходится за ней ухаживать. Специальную тачку соорудил и иду с утра, забираю её помои — ночной горшок, ведро — и всё это выношу. В общем-то, уже достаточно легко этому научился: могу вот так — раз! — выбросить всё. И тачку, главное, придумал удобную, в неё ведра все отлично помещаются, как-никак. Комфорт себе и в этом деле создаёшь» (м., 63, травма позвоночника, Клубково).

О выбросе нечистот соседи говорят неохотно, однако этот процесс хорошо демонстрирует разделяемый общий опыт, который строится вокруг инфраструктурных проблем. Выбор речевых конструкций, при которых размывается активность говорящего, выражает стремление скрыть от приезжего заботу, разделяемую с соседями по интимным делам, к которым относится выброс нечистот. Инфраструктурный дефицит в условиях нормальной жизни был незаметным и скорее служил фоном, становился в условиях хронического заболевания и разделённого опыта хронического заболевания, а также возраста информантов частью социальной жизни, которая структурировала соседские взаимодействия и отношения в сёлах. Вынужденная совместность в попытке улучшения своих экзистенций и создания дополнительных «протезов протезов» была частью соседской солидарности, соседской помощи и заботы, которая формировалась вокруг подобных соседских взаимодействий. Условия жизни в инфраструктурном дефи-

ците, который становится заметен и ощущаем, сравнивают с отшельничеством и брошенностью. Нередко в интервью всплывает метафора тайги и характерной для неё особой социальности, где соседские отношения и забота приобретают реципрокный или, как отметил один из информантов, «тесный» характер.

«Это как в тайге жить или в космосе, на полярной станции. Сплошные ограничения, и они везде. И вот если ты живешь в подобных ограничениях, то начинаешь волей-неволей к соседям обращаться за помощью и поддержкой. Потому что кто, если не соседи? Никто практически и не может тебе помощь оказать. И, следовательно, ты начинаешь с ними вместе что-то совместное делать, те же дороги расчищать, и это уже хорошо, или заниматься другими делами, которые необходимы. И так вот, когда вместе, постепенно даже ощущение возникает, что, в принципе, всё можно преодолеть» (м., 78, инфаркт, Клубково).

Таким образом, соседская забота и помощь становятся социальным ресурсом, который способен изменить или перенастроить скудные материальные ресурсы сёл. И в таком случае соседская помощь представляет собой форму особой солидарности разделяемого опыта, связанную с созданием комфорта и управлением через соседское общение и взаимодействие инфраструктурным дефицитом. Соседская помощь в таком случае выступает гарантией предсказуемости функционирования разрежённых инфраструктур села, а вместе с тем представляет одну из возможностей контролировать сельские инфраструктуры.

Заключение

Поиск новых объяснительных моделей в изучении и рассмотрении соседства в различных пространствах — довольно важный вопрос, который сегодня будоражит умы как социологов, так и урбанистов, исследователей города и села. Особенностью изучения сельского соседства нередко выступает использование «городской оптики» для анализа соседских отношений, и, как это часто бывает, отсутствует рефлексивное понимание отличных от города соседских отношений в сёлах.

Данная статья представляет собой попытку рассмотреть соседские отношения в сёлах с использованием иной оптики — исследования базовых потребностей пожилых людей — экзистенций, что позволило увидеть, как соседские отношения могут создавать солидарности, не похожие на городские, вокруг материальных объектов, и как социальное может улучшать и настраивать ограниченное материальное в сельской местности. Использование подобной оптики позволило увидеть, как именно у пожилых людей устроено взаимодействие с материальными и социальными ресурсами, и определить соседство и соседские солидарности внутри проблем, связанных с материальными ресурсами и инфраструктурным дефицитом.

Изучая повседневный опыт пожилых людей, проживающих в сельской местности, у исследователя появляется возможность рассмотрения и анализа того, как собраны воедино смыслы соседских отношений на основании особенностей материальных и социальных ресурсов. Ключевой категорией, вокруг которой формируются соседские отношения, в таком случае становится категория комфорта и настраиваемости материальных ресурсов, невозможная без участия соседей и соседской помощи. Эта идея включает концепт соседских отношений в мире, где соседская помощь, как и соседские отношения, создаёт дифференциацию пространств. «Протезы протезов», эти соседские солидарности, организующиеся вокруг инфраструктурного дефицита в сёлах, становятся инструментами, которые улучшают повседневность пожилых людей и способствуют восполнению отсутствия тех или иных важных материальных ресурсов. При этом именно соседская помощь играет такую роль, в отличие от помощи родственников и социальных работников, поскольку именно соседские отношения носят для пожилых людей в сельской местности постоянный и регулярный характер.

Конституирующим ядром, главным значением соседских отношений в таком случае выступает настраиваемость компонентов среды, на которую могут влиять сами соседи. И именно настраиваемость, которую производят и воспроизводят соседские отношения в сельской местности, способна создавать комфорт для пожилых людей и контролировать разрежённость и бесконтрольность сельского инфраструктурного дефицита. Настраиваемость может иметь различные значения для тех или иных индивидов, а соседские отношения, дополняющие социальные ресурсы пожилых людей, улучшают, таким образом, экзистенции второго порядка.

Список литературы

1. Богданова Е. А. Граница между публичными и частными в звуковом сообществе: исследование современного российского села // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2017. № 1. С. 4–29.
2. Богданова Е. А. Режим заботы о пожилых маломобильных людях в периферийных поселениях: успехи и неудачи в преодолении социального исключения. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2019. 310 с.
3. Бредникова О. Деревня умерла? Да здравствует деревня! // *Вдали от городов: жизнь постсоветской деревни* / Под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб. : Алетей, 2014. С. 28–59.
4. Галкин К. А. Онтологическая сборка сред старения // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2020. Т. 23, № 2. С. 67–86. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.3.
5. Галкин К. А. Режимы заботы и самозаботы при отдельном проживании пожилых людей в периферийных поселениях // *Социологические исследования*. 2020. № 9. С. 70–78. DOI: 10.31857/S013216250009290-2.

6. Инфраструктура свободы: общие вещи и Res Publica / Р. Алапуро [и др.] ; ред. О. Хархордин, Р. Алапуро, О. Бычкова. СПб : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 352 с.
7. *Карасева А. И.* Разомкнутая модерность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 122–146. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-122-146.
8. *Парфенова О. А.* Конкуренция за заботу о пожилых: тактики социальных сервисов в новых условиях / О. А. Парфенова, И. С. Петухова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4 (152). С. 173–186. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.09.
9. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию / Х. Плеснер ; пер. с нем. А. Г. Гаджикурбанов. М. : РОССПЭН, 2004. 367 с.
10. *Трубина Е.* «По-большому»: городская инфраструктура и власть над пространством // Неприкосновенный запас. 2014. № 2 (94). С. 175–196.
11. *Хилл Ф.* Сибирское бремя: просчеты советского планирования и будущее России / Ф. Хилл, К. Гэдди ; пер с англ. М. : Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. 327 с.
12. *Штейнберг И.* Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6 (74). С. 52–57.
13. *Bieber A.* Influences on the access to and use of formal community care by people with dementia and their informal caregivers: a scoping review // BMC: health services research. 2019. № 1 (19). P. 88.
14. *Burns V. F.* Revisiting the role of neighbourhood change in social exclusion and inclusion of older people / V. F. Burns, L. Jean-Pierre, R. Damaris // Journal of Aging Research. 2012. № 26. DOI: 10.1155/2012/148287.
15. *Collier S. J.* Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. NJ : Princeton University Press, 2011 312 p. DOI: 10.1515/9781400840427.
16. *Edwards P. N.* Infrastructure and Modernity: Scales of Force, Time, and Social Organization in the History of Sociotechnical Systems // Modernity and echnology Cambridge. 2003. № 1. P. 185–225.
17. *Fonad E.* Older people 's safety and security in community care for the elderly: Focusing on fall risk and fall // Department of neurobiology, care sciences and society. 2007. № 27. P. 119–131.
18. *Gehlen A.* Der Mensch. Seine Natur und seine Stellung in der Welt. Athenäum // Verlag. 1940. 444 p.
19. *Graham S.* Disrupted Cities: When Infrastructure Fails. NY : Routledge, 2010. 196 p. DOI: 10.4324/9780203894484.
20. *Harman G.* Tool-being: Heidegger and the Metaphysics of Objects. IL : Open Court, 2002. 331 p. DOI: 10.5860/choice.40-3935.
21. *Iecovich E.* Aging in place: From theory to practice // Anthropological notebooks. 2014. № 1 (20). P. 21–32.
22. *Mains D.* Blackouts and Progress: Privatization, Infrastructure, and a Developmentalist State in Jimma, Ethiopia // Current Anthropology. 2012. № 1 (27). P. 3–27. DOI: 10.2307/41336316.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kgalkin1989@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 850737

Дата поступления в редакцию: 27.09.2021. Принята к печати: 02.02.2022.

DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8866

Between the Material and the Social. Neighborhood Relations of Older People “Inside” the Infrastructure Deficit

Konstantin A. Galkin¹

¹Sociological Institute of FCTAS RAS.

7, Krasnoarmeyskaya str., 25/14, Saint Petersburg, Russia, 190005

For citation: Galkin K. A. (2022). Between the material and the social. Neighborhood relations of older people “inside” the infrastructure deficit. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 10, № 1. P. 143–159. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8866

Abstract. The article analyzes neighborhood relations in the villages of the Leningrad region. The material was interviews with older people about the peculiarities of rural everyday life and about neighborhood interactions in the context of the infrastructure deficit characteristic of the villages where the study was conducted. Based on the theoretical work of H. Plesner and A. Gelena, the author argues that neighborhood relations can be considered as an important social resource for the older, which is able to adjust and make more comfortable material resources in villages. The adaptability of material and social resources makes it possible to understand the specifics of the meanings of neighborhood relations that are formed in villages, and how aging can be represented based on the key and basic needs of older people. Empirical material was collected in two villages of the Leningrad region.

In the landscape caused by the infrastructure deficit, the usual neighborhood solidarity did not work, but such a landscape itself was part of a new solidarity associated with special interactions in which neighborhood relations create the tunability of material resources and are aimed at reciprocal exchange and neighborly assistance and minimizing the problems of infrastructure deficit.

Keywords: villages; infrastructure deficit; older people; neighborhood relations; neighborhood care; life in rural areas

REFERENCES

1. Bogdanova E. A. (2017). Granitsa mezhdru publicnym i privatnym v zvukovom soobshchestve: issledovanie sovremennogo rossijskogo sela. [The border between public and private in the Sound community: a study of the modern Russian village]. *Laboratorium*. № 1. P.4–29 (In Russ.).
2. Bogdanova E. A. (2019). *Rezhim zaboty o pozhilykh malomobil'nykh lyudyakh v periferijnykh poseleniyakh: uspekhi i neudachi v preodolenii sotsial'nogo isklyucheniya*. [Care regime for elderly people with limited mobility in peripheral settlements: Successes and failures in overcoming social exclusion]. Saint-Petersburg: Publishing house of the European University. 310 p. (In Russ.).

3. Brednikova O. (2014). Derevnya umerla? Da zdravstvuet derevnya! [The village died? Long live the village!]. *Vdali ot gorodov: postsovetskie derevni*. Saint-Petersburg. P. 28–59. (In Russ.).
4. Galkin K. A. (2020). Ontologicheskaya sborka sred stareniya. [Ontological assembly of aging environments.]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. № 2 (23). P. 67–86. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.3. (In Russ.).
5. Galkin K. A. (2020). Rezhimy zaboty i samozaboty pri otdel'nom prozhivanii pozhilykh lyudej v periferijnykh poseleniyah [Modes of care and self-care for the elderly living separately in peripheral settlements.]. *Sotsiologicheskije issledovaniya*. № 9. P. 70–78. DOI: 10.31857/S013216250009290-2. (In Russ.).
6. *Infrastruktura svobody. Obshchie veshchi i Res Publica*. (2013). [The infrastructure of freedom: public things and Res Publica]. Ed. by O. Kharkhordin, R. Alapuro, O. Bychkova. St Petersburg: EUSP Press publ. 352 p. (In Russ.).
7. Karaseva A. I. (2018). Razomknutaya modernost': kommunal'naya avariya v sensornom landshafte severnogo poselka gorodskogo tipa. [Open modernity: a municipal accident in the sensory landscape of a northern urban-type settlement.]. *Anthropologicheskij Forum*. № 38. P. 121–146. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-122-146. (In Russ.).
8. Parfenova O. A., Petuhova I. S. (2019). Konkurentsia za zabotu o pozhilykh: taktiki sotsial'nykh servisov v novykh usloviyakh. [Competition for the care of the elderly: tactics of social services in the new conditions.]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny*. № 4 (152). P. 173–185. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.09. (In Russ.).
9. Plesner H. (2004). *Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu*. [The stages of the organic and the human. Introduction to Philosophical Anthropology.]. M.: ROSSPEN publ. 40 p (In Russ.).
10. Trubina E. (2014). “Po-bol'shomu”: gorodskaya infrastruktura i vlast' nad prostranstvom. [The big necessity: urban infrastructure and power over territory.]. *Neprikosnovennyj zapas*. № 94. P. 175–196. (In Russ.).
11. Hill F, Gaddy C. (2007). *Siberian burden: miscalculations of soviet planning and the future of Russia*. M.: Nauchno-obrazovat. Forum po mezhdunar. otnoshenijam publ. 327 p.
12. Steinberg I. (2004). Psikhologiya neekivalentnykh obmenov v setyakh sotsial'noj podderzhki gorodskih i sel'skikh semej. [Psychology of non-equivalent exchanges in social support networks for urban and rural families.]. *Bulletin of public opinion: Data. Analysis. Discussions*. № 6. P. 52–57. (In Russ.).
13. Bieber A. (2019). Influences on the access to and use of formal community care by people with dementia and their informal caregivers: *A Scoping Review*. *BMC: Health Services Research*. № 19. P. 88.
14. Burns V. F., Jean-Pierre L., Damaris R. (2012). Revisiting the role of neighbourhood change in social exclusion and inclusion of older people. *Journal of Aging Research*. № 26. P. 12. DOI: 10.1155/2012/148287.
15. Collier S. J. (2011). *Post-Soviet social: neoliberalism, social modernity, biopolitics*. NJ: Princeton University Press. 304 p.
16. Edwards P. N. (2003). Infrastructure and modernity: force, time, and social organization in the history of sociotechnical systems. *Modernity and Technology*. № 1. P. 185–225.
17. Fonad E. (2007). Older people's safety and security in community care for the elderly: Focusing on fall risk and fall. *Department of neurobiology, care sciences and society*. № 27. P. 119–131.
18. Gehlen A. (1940). *Der Mensch. Seine natur und seine stellung in der Welt*. Athenäum-Verlag. 444 p.

19. Graham S. (2010). *Disrupted cities: when infrastructure fails*. New York: Routledge. 196 p. DOI: 10.4324/9780203894484.

20. Harman G. (2002). Tool-being: Heidegger and the metaphysics of objects. *Open Court*. Chicago. IL. 331 p. DOI: 10.5860/choice.40-3935.

21. Iecovich E. (2014). Aging in place: From theory to practice. *Anthropological Notebooks*. № 1 (20). P. 21–33.

22. Mains D. (2012). Blackouts and progress: privatization, infrastructure, and a developmentalist state in Jimma, Ethiopia. *Current Anthropology*. № 1 (27). P. 3–27. DOI: 10.2307/41336316.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galkin Konstantin Alexandrovich, Candidate of Sociology, Sociological Institute of FCTAS RAS, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: kgalkin1989@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6403-6083

ResearcherId: A-8784-2016

Scopus AuthorID: 57210917850

The article was submitted on September 27, 2021. Accepted on February 02, 2022.